

Поволоцкая Анна Николаевна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОГОВОР В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ¹

Аннотация

Рассматривается место электронного договора в теоретической классификации юридических фактов гражданского права. Анализируются особенности электронной формы волеизъявления, её соотношение с традиционными требованиями к письменной форме сделки, а также специфика удостоверения воли сторон посредством различных видов электронной подписи. Исследуется вопрос о квалификации электронного договора как сложного юридического состава, обосновывается необходимость доктринального разграничения формы соглашения и способа его совершения. Отдельное внимание уделяется практике заключения гражданско-правовых договоров на государственных цифровых платформах.

Ключевые слова: электронный договор, юридические факты, электронная подпись

Цифровая трансформация отношений обмена поставила перед гражданско-правовой доктриной вопрос, который долгое время не воспринимался всерьёз: является ли соглашение, заключённое посредством электронных каналов, самостоятельным явлением юридической жизни или же это лишь технически иначе оформленный традиционный договор? Ответ, казалось бы, очевиден. Однако за внешней простотой скрывается весьма содержательная проблема квалификации, которая всё острее проявляется по мере того, как электронные платформы вытесняют бумажный документооборот не только из коммерческой, но и из публично-значимой сферы.

В отечественной теории права юридические факты принято делить на события и действия, а действия – на правомерные и противоправные. Договор, будучи разновидностью двусторонней или многосторонней сделки, занимает своё место в этой системе как волевое, правомерное действие, порождающее обязательство [1]. Квалифицирующим признаком при этом выступает направленность воли сторон на определённый правовой результат. Данная характеристика сохраняется вне зависимости от того, посредством какого канала передаётся волеизъявление: бумажный носитель и электронная среда в этом смысле функционально взаимозаменяемы.

¹ Научный руководитель: Ларина Татьяна Юрьевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Московский университет им. С.Ю. Витте

Гражданский кодекс РФ в ст. 158 и 434 прямо предусматривает возможность совершения сделки и заключения договора путём обмена электронными документами [2]. Тем самым законодатель фактически признал электронную форму разновидностью письменной, не вводя для неё специальной конструкции. На этом основании ряд исследователей полагает, что электронный договор не образует отдельной категории в системе юридических фактов и должен рассматриваться исключительно через призму общих норм о сделках.

Между тем отождествление формы и существа явления едва ли оправданно. Электронный договор, в отличие от классического письменного соглашения, заключается в среде, где воля сторон удостоверяется принципиально иными средствами. Федеральный закон «Об электронной подписи» предусматривает три разновидности: простую, усиленную неквалифицированную и усиленную квалифицированную электронную подпись, каждая из которых обладает различной доказательственной силой и сферой применения [5]. Вместо собственноручного росчерка – криптографически защищённый код, присвоенный конкретному лицу и верифицируемый через удостоверяющий центр. Это не просто техническая деталь.

Сама возможность установить принадлежность волеизъявления конкретному субъекту в электронной среде прямо зависит от вида использованной подписи, от того, был ли соблюден порядок её получения, от действительности сертификата ключа на момент подписания документа. Ни одно из этих условий не имеет аналогов в традиционном договорном праве. Письменный договор на бумаге, подписанный от руки, предполагает верификацию подписи как таковой – и только. Электронная же форма вносит в структуру юридического факта дополнительный технологический пласт, игнорировать который при квалификации недопустимо.

Особого внимания заслуживает вопрос о моменте заключения электронного договора. В офертно-акцептной модели, которую ГК РФ закрепляет в качестве общей (ст. 432-443), соглашение считается заключённым с момента получения акцепта оферентом. Применительно к цифровой среде установить этот момент значительно сложнее: системы автоматической обработки заявок, боты-агрегаторы, алгоритмизированные платформы нередко формируют акцепт без участия живого субъекта, причём между отправкой оферты и генерацией ответа может проходить доля секунды. Правовая природа такого «автоматического акцепта» пока не получила однозначной доктринальной оценки ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Показательно в этом отношении наблюдение В.В. Саркисяна: электронные способы заключения договора предполагают не просто иной канал коммуникации, но качественно иную модель взаимодействия сторон, при которой оферта и акцепт могут быть разделены алгоритмическими процедурами, не предполагающими непосредственного человеческого участия [6]. Это влечёт вопрос об ответственности за действия автоматизированных систем и об условиях вменяемости правовых последствий физическому или юридическому лицу – вопрос, который сегодня актуален и для электронной коммерции, и для государственного документооборота.

Действующее законодательство об информации формирует правовую основу обращения электронных документов, устанавливая требования к их достоверности и юридической значимости [4]. При этом само по себе требование достоверности в электронной среде носит характер, принципиально отличный от аналогичного требования применительно к бумажным документам: достоверность здесь обеспечивается не визуальной идентификацией и нотариальным удостоверением, а системой технических стандартов, криптографических алгоритмов и организационных процедур, функционирующих за пределами правового поля в строгом смысле слова.

Весьма наглядную иллюстрацию практической реализации описанных конструкций даёт государственная цифровая платформа «Работа в России». В соответствии с Правилами её функционирования посредством платформы обеспечивается создание, подписание, использование и хранение договоров гражданско-правового характера – в том числе договоров на выполнение работ, оказание услуг, авторских договоров, – оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе [3]. При этом для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей предусмотрено использование усиленной квалифицированной или усиленной неквалифицированной электронной подписи, тогда как физическим лицам допускается применять даже простую электронную подпись, ключ которой получен в порядке, установленном для обращения за государственными и муниципальными услугами.

Такая дифференциация не случайна. Она отражает стремление законодателя соотнести строгость удостоверения воли с риском, которому подвергается каждая из сторон. Физическое лицо – слабая сторона в отношениях с работодателем или государством – получает упрощённый доступ к платформе, не требующий приобретения дорогостоящей усиленной квалифицированной подписи. Контрагент же

– юридическое лицо – несёт повышенные требования к идентификации, что соответствует его профессиональному статусу участника гражданского оборота. В этой градации проявляется не просто техническое решение, но вполне осознанная правовая политика.

Платформа также обеспечивает фиксацию фактов получения договора каждой из сторон и возможность его выгрузки, а автоматизированное взаимодействие с информационными системами юридических лиц предполагает интеграцию платформенной архитектуры с внутренним документооборотом организации. Перед нами, по существу, экосистема, в которой договор существует не как автономный документ, а как элемент распределённой информационной инфраструктуры. Это обстоятельство заставляет иначе посмотреть на проблему места хранения договора и на вопрос о том, какой экземпляр считать «оригиналом» при возникновении спора.

Говоря о месте электронного договора в системе юридических фактов, нельзя обойти стороной проблему его недействительности. Пороки воли, пороки субъектного состава, несоблюдение формы – стандартные основания оспоримости и ничтожности сделки – применительно к электронной среде приобретают особое измерение. Порок формы в данном случае может состоять в использовании ненадлежащего вида подписи: если законом или соглашением сторон предусмотрена усиленная квалифицированная подпись, а договор подписан простой, правовые последствия такого нарушения требуют отдельной квалификации. Буквальное применение нормы о недействительности здесь нередко вступает в противоречие с принципом стабильности гражданского оборота.

Отдельный пласт проблем связан с установлением пороков воли в электронной среде. Заблуждение, обман, угроза – все эти основания оспоримости предполагают доказывание субъективного состояния стороны в момент совершения сделки. При заключении договора посредством алгоритмизированной платформы, где акцепт формируется автоматически или путём нажатия на кнопку «согласен», установить подлинное намерение лица крайне затруднительно. Суды, рассматривающие споры из электронных договоров, нередко исходят из презумпции осознанности действий пользователя, прошедшего через процедуру авторизации.

Это, пожалуй, один из наиболее уязвимых аспектов действующей правовой конструкции.

В контексте системы юридических фактов электронный договор стоит квалифицировать как сложный юридический состав, включающий в себя несколько самостоятельных элементов: само соглашение сторон как волевой акт, его оформление в соответствии с требованиями законодательства об электронной подписи и об информации (технический элемент), а также факт передачи и получения волеизъявления, зафиксированный платформой или иной информационной системой. Каждый из названных элементов имеет самостоятельное юридическое значение. Отсутствие или дефектность хотя бы одного из них способна повлечь порочность всего соглашения – именно в этом электронная конструкция качественно отличается от бумажной, где технический элемент практически незаметен.

Подобный взгляд на природу электронного договора согласуется с общетеоретической концепцией юридического состава, разработанной в отечественной доктрине применительно к сложным фактическим ситуациям, порождающим правовые последствия лишь при накоплении необходимой совокупности обстоятельств [1]. Договор в его традиционном понимании – единый юридический факт.

Список использованных источников

1. Андреев, Ю. Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование : монография / Ю. Н. Андреев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 272 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
3. О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» : постановление Правительства РФ от 13 мая 2022 г. № 867 (ред. от 14 февр. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 20. – Ст. 3366.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
5. Об электронной подписи : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 01 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
6. Саркисян, В. В. Электронные способы заключения договора: понятие и виды / В. В. Саркисян // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 4. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-sposoby-zaklyucheniya-dogovora-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 18.02.2026). – EDN: WHJUYI